

оригинальная статья

УДК 070.41+81`38+808.1

Из истории фатической речи: приветственное слово издателя в научно-популярной журналистике первой половины XVIII в.

Александр Александрович Малышев

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, г. Санкт-Петербург; <https://orcid.org/0000-0002-8936-3056>; malyshev.alexander@mail.ru

Поступила в редакцию 25.03.2021. Принята в печать 07.06.2021.

Аннотация: Для полноценного исследования коммуникативного потенциала современных медиатекстов необходимо обращаться к журналистским текстам более раннего времени и в диахроническом ключе рассматривать ситуационные модели взаимодействия с аудиторией. Современные научно-популярные медиатексты обнаруживают генетическое сходство с материалами периода становления русскоязычной периодической печати: отличия могут быть обусловлены появлением новых исследовательских данных или качественно иным иллюстративным материалом, однако композиционная и стилистическая преемственность, общие черты в проявлении авторского «я» и в тональности текста представляются нам очевидными. Академический журнал «Примечания к Санкт-Петербургским ведомостям» (1728–1742) – первое русское научно-популярное издание, предназначавшееся читателям, желавшим приобрести знания об окружающем мире. Издатели Примечаний прекрасно осознавали, что важную роль при изложении в статьях сведений самого разного рода играет взаимодействие с аудиторией. Именно поэтому в ежегодных приветственных обращениях к читателю (аналог современного жанра *вступительное письмо / слово редактора*), с 1729 г. традиционно занимавших первый номер журнала, неоднократно проявляется фатическая речь как мощное средство установления контакта с аудиторией. Фатичность приветственного слова издателя проявляется в обещании обеспечить традиционное для XVIII в. сочетание приятности и полезности чтения, простоты и доступности изложения как основы создания статей, что располагало читателя к ознакомлению с материалом и настраивало на благоприятное восприятие материалов Примечаний уже на дотекстовом уровне. Непринужденность разговора с читателем и эффект лично ориентированной беседы (ты-общение), выражение заботы об интересах читателя в сочетании с информативностью и чувством собственного достоинства, шутивая тональность и намерение создать благоприятную атмосферу общения, формирование «своего круга» и солидаризация с аудиторией пронизывали приветственное слово фатичностью и определили основные черты жанра редакторского приветствия на всем протяжении его существования в отечественной журналистике.

Ключевые слова: историческая стилистика, контактоустановление, диалогизация, Примечания к ведомостям, журналистика XVIII века, редактор, фактор адресата

Цитирование: Малышев А. А. Из истории фатической речи: приветственное слово издателя в научно-популярной журналистике первой половины XVIII в. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 2. С. 503–511. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-2-503-511>

Введение

Современные научно-популярные медиатексты обнаруживают генетическое сходство с материалами периода становления русскоязычной периодической печати: отличия могут быть обусловлены появлением новых исследовательских данных или качественно иным иллюстративным материалом, однако композиционная и стилистическая преемственность, общие черты в проявлении авторского «я» и в тональности текста представляются нам очевидными. Эта преемственность проявляется и в элементарном коммуникативном взаимодействии издания с читателями.

Основными чертами фатического медийного общения, как отмечает Н. А. Корнилова, являются взаимоприятное речевое времяпрепровождение, формирование «своего круга» друзей и знакомых, лично ориентированное общение, диалогичность, этикетность [1, с. 34, 42–43],

см. также мнение Ж. Р. Сладкевич о разграничении понятий *фатика, этикет, вежливость* и *диалогичность* [2]. Поскольку эти признаки присущи коммуникации как таковой, хотя в различных коммуникативных ситуациях каждый из них проявляется по-разному, мы можем говорить о стабильном присутствии фатики в жизни человека разумного. Неслучайно признаки фатической речи, исследование которой началось Б. Малиновским в этнографическом ключе [3], находят в фольклоре и литературных сказках [4]. Действительно, обращение к читателям автора, переводчика, составителя или издателя книги или журнала вполне соотносится с обращением к слушателям сказителя, настраивающего аудиторию на правильное восприятие последующего рассказа о чем-либо. Понимая ритуальность как в том числе проявление фатического начала,

В. В. Дементьев обозначил необходимость сопоставления фатического общения в России конца XIX и конца XX в. как перспективное направление исследований [5, с. 48–49]. Н. А. Корниловой продемонстрированы общие черты использования фатической речи в общении с аудиторией в журналах «Вестник моды» (1888 г.) и «Добрые советы» (2010 г.) [6].

Диахронической основой подобного общения (монологического по форме, диалогического по содержанию) были имевшие глубокие исторические корни вступительные слова авторов текстов древнерусской литературы. А. С. Демин выделяет три составных части содержания книжных предисловий (прямые обращения к читателям и слушателям, рассуждения о значении чтения, пояснения о предлагаемом сочинении) и общие наставления, связанные с пониманием пользы чтения для разума и духа, самостоятельностью чтения (а не восприятием текста на слух), с его прилежностью и осмысленностью; однако осознавалась и определенная завышенность таких требований к читателю-неофиту [7, с. 14, 18–20, 24]. В наших примерах эти принципы также реализуются, т. е. можно говорить о непрерывности традиции независимо от книжной или газетной природы коммуникации. Однако в случае начального этапа истории отечественной журналистики следует иметь в виду, что она создавалась по несколько иным лекалам, будучи ориентированной на европейские образцы, что и предопределило иную основу взаимодействия с аудиторией.

Даже при самом общем сопоставлении приветственных слов издателя периодики XVIII в. с книжной традицией древнерусской литературы становится заметным стилистическое различие в форме ведения разговора с читателем. Древнерусский книжник традиционно обозначал себя как худоумного и многогрешного недостойного монаха, дерзнувшего слабым пером повествовать о чем-либо и просящим читателей о снисхождении. При поверхностном и буквальном чтении вступлений к летописям, житиям, хожд(а)ениям и другим произведениям подобное речевое поведение, безусловно, может ввести читателя, особенно современного, в заблуждение и сформировать пренебрежительное отношение к автору, который, по мнению исследователя XIX в., заискивал перед читателем, «мало сознавал в себе сил, был робок, постоянно извинялся» [8, с. 43]. Более глубокое восприятие с учетом исторических особенностей древнерусской словесности позволяет говорить о как минимум равнозначном статусе адресата и адресанта, поскольку в древнерусской книжности наблюдается неразрывное сочетание авторского самоуничижения и обладания автором правом на создание текста [9, с. 45], а «топос недостойности» постепенно переходит в активное воздействие на аудиторию [10, с. 17, 20]. Ключевую роль здесь играет чувство меры, или, согласно З. К. Тарланову, уместность использования отдельных языковых явлений с точки зрения целого [11, с. 12]. Таким образом, речь идет о восприятии себя книжником как знающего свое

дело мастера, стремящегося зафиксировать и сообщить читателям нечто важное и имеющего на это моральное право (как, впрочем, и обязанность) [12].

Г. В. Судаков, исследуя эволюцию речевого этикета Московской Руси, среди прочего отмечает фактическое отсутствие в этикетности общения XVII в. такого речевого действия, как знакомство: любой читатель воспринимается как уже знакомый человек. Кроме того, общая формульность и комплиментарность происходят от взаимовлияния устной и письменной речи (понимание письменной речи как беседы на зрительном, а не слуховом уровне) и привносятся из иноязычной культуры [13, с. 55], что актуально и для рассматриваемого нами материала.

Методы и материалы

Коммуникативный потенциал современных медиатекстов не может рассматриваться изолированно от более ранних журналистских текстов, поэтому плодотворным является обращение к текстам предшествующих эпох для диахронического анализа ситуационных моделей диалога с читателями. Это направление представляется перспективным с точки зрения исторической стилистики русской журналистики, целью которой, как и исторической стилистики в целом, является установление принципов стилистической организации языковых средств журналистских текстов на разных этапах развития языка [14, с. 419; 15; 16], входящих в «коллективную привычку способов пользования языком» [17, с. 257]. Историко-стилистический подход понимается нами как способ выявления «качественных преобразований в стилевом ряду языка» и является «динамической частью истории литературного языка» [18, с. 18–19]. В этом отношении не бесспорным, но несомненно заслуживающим внимания представляется понимание М. В. Ивановой и Н. И. Клаушиной эволюции публицистики как движения от древнерусского наследия к интернет-эпохе [19]. На содержательно ином материале (тексты о домостроительстве) историко-стилистический подход успешно продемонстрирован в исследовании В. Н. Калиновской и О. А. Старовойтовой [20].

Академический журнал «Примечания к Санкт-Петербургским ведомостям» (1728–1742) (далее – Примечания) – первое русское научно-популярное периодическое издание. Журнал был рассчитан на широкий круг читателей, желавших приобрести новые или дополнительные знания об окружающем мире. По сути, каждый познавательный выпуск Примечаний был мини-лекцией, «прочитанной» в печатном виде и направленной на пробуждение читательской мысли [21, с. 14–30].

Издатели Примечаний не могли не общаться со своими читателями, поскольку судьба издания, как показывали европейские примеры, напрямую зависела от читательского благорасположения (примеры периодики XVIII в. неоднократно демонстрируют как сокращение тиражей, так и прекращение существования изданий из-за низкого спроса). Общее состояние науки и трудности, возникавшие

при распространении научного знания, подробно описаны П. П. Пекарским [22]. В то же время редакция прекрасно понимала, что государственная ориентация на распространение знаний, заданная Петром I, стимулировала общество приобщаться к новой информации, а в такой ситуации именно научно-популярная периодика, сочетающая научное содержание с популярным изложением, находилась в выигрышном положении. Следовательно, можно говорить если не о признании ведущей роли автора как отправной точки в процессе создания текста [23, с. 29–30] и нахождения читателя даже в случае приветственного слова издателя в роли «пассивного говорящего» [24], то о констатации такого положения, при котором «автор выступает как равноправная сторона в диалоге заинтересованных друг в друге собеседников» [25, с. 10]. Это равноправие проявляется в самой тональности речи издателя, который даже на уровне традиции не прибегает к самоуничижению, но, сохраняя учтивость, демонстрирует чувство собственного достоинства, соединяя демократическую публицистичность XVII в. с журналистикой как новой формой сознания XVIII в., обозначаемые Э. И. Токаревой в качестве дискурсивных формаций публицистики того времени [26].

Рассмотрение материала на основании сплошной выборки проявлений фатической речи в Примечаниях производится нами двояко: с одной стороны, рассматриваются общие принципы проявления фатичности в приветственных словах разных лет, с другой – внимание уделяется каждому приветственному слову от года к году, что позволяет определить специфические черты фатичности каждого из приветствий.

Результаты

Общие наблюдения

Приветственное слово издателя отсутствовало в 1728 г., однако косвенно его функцию могло выполнять напечатанное в первом выпуске «Санкт-Петербургских ведомостей» извещение о начале выпуска Примечаний и о пользе нового издания. Собственное же обращение к читателям Примечания получили в 1729 г., затем оно появилось в 1730, 1731, 1733, 1734, 1738, 1739 и 1741 годах. В 1732 г. вместо приветствия была напечатана ода на Новый год, в 1735 и 1736 – оды в честь Анны Иоанновны, в 1740 – новогодние стихи, в 1742 – описание новогоднего фейерверка, в 1737 г. Примечания не издавались. Таким образом, за 14 лет издания Примечаний читатель восемь раз (а с учетом извещения в «Санкт-Петербургских ведомостях» – девять) мог прочитать обращенные к нему пространные слова издателя. Представляется, что этого, вкупе с более частными случаями аналогичных кратких вступлений к отдельным статьям, было вполне достаточно, чтобы сформировать традицию разговора прессы, в том числе научно-популярной, со своей аудиторией. Диалог с читателем,

ставший неотъемлемой частью редакционной политики Примечаний, ведется в форме монолога со стороны автора статьи: читателю предлагается некая информация, которую он воспринимает, но ответить автору которой не имеет возможности; реплика читателя остается за пределами статьи, но определенно подразумевается.

В первую очередь стоит остановить внимание на обозначении самого жанра приветствия. С 1729 по 1731 г., а также в 1741 г. таковое обозначение отсутствовало, в 1733 г. приветствие было названо «предсказанием», в 1734 и 1738 – «предисловием». Выбор в двух последних случаях слова «предисловие» был, очевидно, связан с тем, что «предсказание» более связано с миром религии (в том числе суевериями), тогда как имеющее менее торжественную семантику «предисловие» на протяжении нескольких веков обозначало именно вступительную часть книги, послания и др. произведений.

Обращение к читателю (установление контакта) в Примечаниях в 1729–1731 гг. неизменно выражается с помощью звательного падежа (*благосклонный читателю*), в 1733 и 1738 г. перед нами не обращение, а просто форма мн. ч. (*наши читатели*), в 1739 г. происходит утрата звательного падежа: *любезный читатель*. Колебания ед. ч. и мн. ч., т. е. персонифицированного и обобщающе-обезличенного общения, позволяют редакции сначала установить контакт с каждым читателем, затем обозначить расширение аудитории, после чего вернуться к персонализации. Заметны и грамматические изменения: помимо утраты звательного падежа происходит изменение окончания мн. ч. дательного падежа: *нашим читателем* с 1734 г. систематично заменяется на *нашими читателям*.

Отметим, что лишь в двух случаях в конце приветственного слова приведена этикетная подпись (размыкание контакта): в 1729 г. – *Благосклонного читателя к службе охотнейший слуга издатель*, в 1734 г. – *Сочинители примечаний на ведомости*¹. Первый пример представляет собой сочетание кольцевой композиции (обращением к благосклонному читателю начиналось приветствие) с корневым повтором (*служба – слуга*) и суперлативом, причем от лица всего журнала выступает с почтительным *охотнейшим* поклоном лишь издатель, тогда как во втором примере с читателем говорят уже все авторы (текст приветствия пронизан местоимениями мн. ч.) и отсутствует малейшее упоминание подчиненного положения редакции.

Далее мы проанализируем как типичные черты обращения к читателю, характерные для приветствий разных лет, так и индивидуальные особенности приветствий конкретных годов.

Фатичность приветственного слова издателя на общем уровне наиболее ярко обнаруживается в рассмотренном нами ранее обещании обеспечить традиционное для XVIII в. сочетание приятности и полезности чтения, простоты

¹ Здесь и далее цитаты приводятся в упрощенной орфографии с сохранением правописания оригинала.

и доступности изложения как основы создания статей [27]. Это располагало читателя к ознакомлению с материалом и настраивало на благоприятное восприятие материалов Примечаний уже на дотекстовом уровне или, по выражению М. Н. Кима, на «предкоммуникативной фазе» [28, с. 200–201]. Сочетание пользы и приятности умственных и творческих упражнений и приобретения знаний становится в журналистике XVIII в. одной из ключевых идей, ср. хотя бы названия периодических изданий второй половины века: Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие (1755–1764), Праздное время, в пользу употребленное (1759–1760), Полезное увеселение (1760–1762), Полезное с приятным (1769), Приятное и полезное препровождение времени (1794–1798).

Польза, приятность, удовольствие, радость от приобретения знаний вкупе с увеселением, услаждением и легкостью познания являются ключевыми словами приветствий (особенно в 1729–1731 гг.). Встречаются и их сочетания: <труды> которые токмо ради **увеселения** тебя, и ради твоеи **пользы** восприяты (1729: 1)²; всякою трудится будет, к **пользе** и к **удоволствованию** читателей (1729: 2); **ко** **удоволствованию** тебя и впредь какие **полезные** дела (1730: 1); то есть тебе **во известие**, сие **в научение**, но обо **е** **к** твоему **удоволствию** склоняется... чтоб тебе **полезную** и **приятную** забаву промыслить (1731: 2); **приятное** содержание... произвело **полезные** действия в разуме и воле наших читателей (1738: 3) и др.

Идея подчинения исключительно интересам аудитории неоднократно встречается в приветственных словах, ключевыми ее проявлениями становятся задаваемые на речевом уровне ревностное служение, усердный труд и желание угодить: **токмо ради** увеселения тебя, и **ради** твоеи **пользы** восприяты (1729: 1); разные персоны, из которых **всякою трудится будет** (1729: 2); **вручая себя** твоеи любви и склонности, а в прочем ничего более не желаем, как **всякому угодным быть** (1729: 4); мы от времени до времени о том **прилежно трудится будем**... Я с моими товарищи желал бы **всякому** по его желанию и склонности **угодить** (1729: 1); во всем **единое намерение**, а имянно чтоб тебе **полезную** и **приятную забаву промыслить** (1731: 2); нашего **старания**... **с ревностию исполнять** возможно было (1734: 1); **ревность**, которую мы имеем к нашим читателям (1738: 2).

Представляется, что даже с учетом того, что приведенные цитаты не исчерпывают всех примеров проявления как будто бы подобоострастного взгляда на аудиторию, такое поведение во многом является внешним и продиктовано преимущественно дипломатическими традициями. Во-первых, это обусловлено особым положением журнала вследствие отсутствия подобных Примечаниям изданий (издававшиеся с того же 1728 г. академические «Комментарии» были строго научным журналом, печатавшимся на латини

и потому доступным далеко не всем), т. е. осознанием своего места в системе просветительских координат. Во-вторых, причиной усомниться в подлинной смиренности могут быть возраст и полемический задор сотрудников Примечаний: например, главному редактору первых лет Примечаний Герхарду Фридриху Миллеру в 1730 г. было 25 лет, а один из самых плодотворных авторов Георг Вольфганг Крафт был всего четырьмя годами старше – при всех оговорках о значительно более раннем интеллектуальном развитии деятелей науки XVIII в. молодость остается молодостью.

Отмеченное ранее чувство собственного достоинства проявляется двояко: с одной стороны, есть «простые» читатели, с которыми вежливый издатель чувствует себя наравне, с другой – регулярно упоминаются «высокие особы», благоволение которых наиболее ценно и заставляет издателя и дальше стараться угодить с выбором тем для материалов: Сие обязует нас всем тем **высокаго и нижняго чина** благодарение чинить, которые наши труды милостиво и благосклонно воспринимают (1731: 3); **Высокия наиважнейшими упражнениями обьятыя особы** свои прозорливыя мнения о нашем труде нам благосклонно обьявлять соизволяют... и мы признаем оное с наиглубочайшим почтением и с благодарственным движением нашего сердца, которое мы сим всенародно изъявляем (1733: 3).

Ритуальное высокопарное славословие позволяло в то же время донести до аудитории достаточно простую мысль: Примечания пользуются покровительством знати и признанием со стороны лучших умов своего времени, посему журнал обладает высоким статусом, а приобщение к числу читателей делает честь в первую очередь самим приобщившимся.

Особое место занимает августейшая особа: ...АННА солнцем России пребывает. К сея стопам припадаем мы такожде ныне с покорнейшим прошением о Всемилостивейшем зашищении и впредь на будущий год начатых наших трудов, и радуемся, что мы случаи имеем под державною Ея рукою сими нашими известиями последующим временам известно учинить, коим образом Россия... **щастливою** была (1731: 4) – здесь перед нами двунаправленность фатики: на читателей вообще, как отдающих дань нужности Примечаний, так и считающих это предприятие ненужным, и на высокопоставленных читателей, особенно на императрицу. Примечания, даже будучи освобождены от духовной цензуры, не могли обойтись без участия в освещении придворной жизни, публикуя манифесты и оды от имени Академии наук, подробные отчеты о прибытии посольств, о праздновании тезоименства и годовщин восшествия на престол Анны Иоанновны и описание ее похорон, а также материалы, связанные со светской модой (о театре и опере, фейерверках и др.).

Именно поддержка высшего света позволила издателью уже на третий год заявить вполне по-современному

² В скобках после цитаты приведен год издания Примечаний и номер страниц(ы).

о пренебрежении мнением своих противников и критиков: *... нерадостно я прочтем из наших читателей, которое с вашим благосклонным разсуждением несогласуются, то объявить принужден, что нам в получении от оных подтверждения того ради не зело великая нужда имеется* (1730: 1).

Конкретные наблюдения

В приветствии 1729 г., задачей которого было формирование интереса к материалам Примечаний, особое место отведено рассуждениям о моде на обладание информацией: *В протчем есть дело о ведомостях безспорно в так великою моде, как оное никогда не бывало. В древние времена наши предки о том ничего не ведали* – далее следует рассказ о роли Италии, Франции и Голландии в деле учреждения и распространения газет (1729: 3–4), слово *мода* является в этом приветствии одним из ключевых и повторяется несколько раз, закрепляя в сознании читателей мысль о том, что читать газеты и приложения к ним значит быть по-европейски модным (о фатическом потенциале ключевых слов см. [29]).

Отдельно подчеркивается исключительная роль Петра I: *Ныне тому уже 27 лет будет, как чрез великое старание Блаженные и Вечнодостоинныя памяти Его Императорскаго величества ПЕТРА Перваго, в ползу своих подданных некоторые ведомости на Российском языке печатать начались* (1729: 4) – традиционная капитализация эпитетов и имени в сочетании с указанием точного количества лет создает крайне благоприятное впечатление и подчеркивает важность чтения как государственной новостной периодики, так и Примечаний как не менее государственного приложения к Ведомостям.

Здесь же привлекает внимание мягкий императив, смягченный шутиливой интонацией: *Любезныи читателю, ты будешь оные употреблять по твоему соизволению, изволишь ли оные того удостоить, чтоб тебе оными несколько праздных окомгоуеи препровождать, или ты оные к чему последнейшему употреблять изволишь* (1729: 4) – с одной стороны, читатель не может пройти мимо Примечаний, будучи вынужден хоть что-то с ними сделать (императив *будешь*), с другой – он имеет полное право употребить их даже на *что последнейшее*, под чем вполне может подразумеваться их использование для деликатных физиологических нужд.

Приветствие 1730 г., поскольку в Европе принято делать подарки к Новому году, содержит объявление о *некотором малом подарке* читателям, состоящем *во описании разных обычаев народов, как и с которого числа у оных новый год начинался* (1730: 2), после чего описываются различия между юлианским и григорианским календарями. Сама идея сделать читателям небольшую приятность звучала как нечто новое и непривычное, а подарок в виде познавательного текста имеет отчетливые параллели с современным дарением книг.

Первая половина приветственного слова 1731 г. содержит ряд двухкорневых композитов с начальным компонен-

том *благо-*, к которым присоединяется качественное прилагательное: *Благосклонныи читателю... я тебе за благое твое по ныне сих трудов восприятие прежде должишее благодарение отдал, а при сем обнадежил, что нам такая благосклонность побуждением будет... с вашим благосклонным разсуждением... Мы числом наших благодетели довольны* (1730: 2) – подобное нагнетание однокоренных слов является как средством выражения благодарности и комплиментарности, так и подчеркиванием особого благорасположения и надежды на благополучное существование Примечаний и в дальнейшем.

Это приветствие также интересно использованием двух метафор: в первом случае еженедельное издание Примечаний уподоблено часам, *которые, как скоро соидут, оные вновь заводит надлежит* (1731: 1), во втором случае издатель сравнивает авторов Примечаний с *искусными садовниками, которые свои увеселительные сады в малые гряды или увеселительные части разделяют* (1731: 2). Оба сравнения призваны подчеркнуть необходимость существования журнала (регулярность приобретения знаний и непринужденность этого процесса), а кажущееся обытовление вновь оказывается двояким: как часы в первой половине века были одновременно насущной необходимостью и предметом роскоши, так и искусный садовник при внешней простоте своей работы занимал особое положение.

Приветствие 1734 г. содержит критику ученых мужей, скрывающих свои знания *темными* словами, пустословием или прямым замалчиванием, и противопоставление надменной науки материалам Примечаний – это создавало облик издания, радостно и без утайки сообщающего читателям разнообразные сведения. Вновь мы встречаем юмор, направленный на преодоление суеверий: *Мы подлинно в том уверены, что читающие оныя <развенчивающие суеверия статьи Примечаний> спокойнее спать могут, нежели прежде, когда им от ложных мнений произошедшии страх того не позволял* (1734: 3), и новогоднее поздравление с пожеланием нашим читателям *всякаго благополучия, котораго они себе сами от добраго намерения желать могут* (1734: 4), которое согласуется с нередко встречающейся в наши дни фразой «Желаю тебе того, что ты сам себе желаешь».

Предисловие 1738 г., когда издание Примечаний возобновилось после более чем годового перерыва (июнь 1736 – весь 1737 г.), направлено на уже сформированный «свой круг» читателей, о чем свидетельствуют как наречие *опять* и прилагательное *обыкновенные*, так и подчеркнутый наречиями *меры* и *степени* *так* и образа действия *еще* отказ от дальнейших пояснений о целях и задачах журнала: *В сем году начинаем мы опять наши обыкновенные примечания... Намерение, которое мы притом имеем, уже так известно всем нашим читателям, что мы не надеемся, чтоб оное при сем случае еще изъяснить надлежало* (1738: 1).

В приветствии 1739 г. издатель сопоставляет Россию и Римскую империю периода расцвета, дабы пробудить

в читателе чувство гордости за великую державу, сравнимую с могущественными государствами прежних веков. Несомненно, это также двойное приложение фатической речи: патриотическое воодушевление сочетается с хвалебными словами в адрес Анны Иоанновны, ставшей достойной наследницей петровских преобразований. Это приветственное слово отмечено особой диалогичностью. В первую очередь она проявляется посредством императивов, реализующих речевой акт призыва к действию: **Посмотри**, любезный читатель вместе с нами на древния времена... **Представь** себе оную высокую степень, на которой древний Рим в свое время находился... **Рассуди** теперь любезный читатель то, что ты всегда пред собою имеешь, и **скажи**, какое государство силою великую Россию превзойти может? ... И так **радуйся** любезный читатель! ... **соедини** токмо с нами твои молитвы, которые мы за ВСЕМИЛОСТИВЕЙШУЮ нашу ГОСУДАРЬНЮ приносить должны (1739: 1, 3, 4).

Кроме того, особую роль играет риторическая вопросно-ответная композиция (издатель задает вопрос и тут же сам на него отвечает, однако у читателя может создаться иллюзия совместного размышления): ... от чего он <Рим> получил имя великаго Рима. Не от великаго ли пространства, которое его стены в себе заключали? или только от многих улиц и площадей? или от множества высоких строений? или от богатства мещан? или от великаго множества чужестранных? Никак! ... в иных свойствах полагают. В каких же? В бодрости владетелей, в достоинстве Сената, в благородной крови шляхетства, в храбрости мещан, в прилежании и силе Римлян, в победах, великодушии, науках, и в добром рассуждении и почтении ученых дел (1739: 2). Синтаксический параллелизм вопросов и ответов позволяет упорядочить рассуждения и подвести читателя к доказательству преемственности России и Рима, которая, разумеется, стала возможной исключительно благодаря императрице: Ея токмо благополучием может Россия получать умножение империи, приращение силы и распространение наук и художеств (1739: 4).

Наконец, приветственное слово 1741 г. крайне интересно с точки зрения как содержания, так и преимущественно формы. Написано оно расположенной «в столбик» и не содержащей знаков препинания ритмической прозой, внешне напоминающей разностопные ямбы басен И. А. Крылова или «лесенку» В. В. Маяковского, если бы она была набрана с выравниванием по центру. Содержательно приветствие построено на методичном списочном нагнетании перечислительного сопоставления нового и старого, что в сочетании с формой создает при прочтении особое медитативное настроение. Приведем в качестве примера начало, две цитаты из середины и заключительные строки: С новым годом / опять новое издание сих еженедельных

листов / да притом / и новое их начало / Всегда нечто новое / А однакож / нет ничего новаго под солнцем <...> Новыя книги / Сколькож в них новаго / Много / а стараго еще больше <...> Но и в сей новости / нет также ничего новаго / Ибо / ничего новаго не обретается под солнцем <...> Старое поздравление / Нет тут ничего новаго / Ибо оно происходит от старой ревности / и возобновленной должности и древней верности / нашей / и всех верных жителей / Российския империи (1741: 3–4, 7–8).

Присутствие в данном приветствии открытого игрового начала (в том числе на уровне смысловых переключек и звукописи старой ревности – древней верности в последних строках), нестандартно вовлекающего читателя в размышления о жизни, выгодно выделяет его на фоне предшествующих.

Заключение

Непринужденность разговора с читателем и эффект личностно ориентированной беседы (ты-общение), учтвое выражение заботы об интересах читателя в сочетании с информативностью и чувством собственного достоинства, шутливая тональность и намерение создать благоприятную атмосферу общения, формирование «своего круга» и солидаризация с аудиторией пронизывали приветственные слова издателя Примечаний фатичностью и, насколько мы можем предположить, определили основные черты жанра редакторского приветствия на всем протяжении его существования в отечественной журналистике. Подобно тому, как в Петровское время происходили качественные стилистические преобразования в деловой речи [30], в послепетровское время постепенно вырабатывалась манера диалога с читателем, новая для того времени и кажущаяся вполне естественной в наши дни.

Дальнейшее историко-стилистическое сопоставление приветствий Примечаний с периодикой второй половины XVIII и последующих веков представляется плодотворным, поскольку позволит охарактеризовать конкретные проявления фатического начала каждого звена в цепочке как научно-популярной, так и «обычной» периодики и выявить сходства и различия в речевых принципах взаимодействия с аудиторией на протяжении трехвековой истории отечественной прессы.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-312-00164 «Историческая стилистика русской научно-популярной периодики первой половины XVIII века».

Литература

1. Корнилова Н. А. Фатическая речь в массмедиа: композиционно-стилистические формы: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2013. 229 с.
2. Сладкевич Ж. Р. К вопросу о разграничении понятий диалогичность, фатика, вежливость и речевой этикет // Перспективные направления современной лингвистики: сб. науч. тр. Междунар. науч.-теоретич. конф. (Москва, 15–16 октября 2020 г.) М.: РУДН, 2020. С. 53–71.
3. Senft G. Phatic communion // Culture and language use / eds. G. Senft, J.-O. Östman, J. Verschueren. Amsterdam, 2009. P. 226–233. DOI: 10.1075/hop.1.pha1
4. Zuraikat M. J., Al-Shawashreh E., Mashreqi S. Phatic Communion in Carroll's Alice's Adventures in Wonderland // Abhath Al-Yarmouk Humanities and Social Sciences Series. 2019. Vol. 28. P. 253–264.
5. Дементьев В. В. Фатические речевые жанры // Вопросы языкознания. 1999. № 1. С. 37–55.
6. Корнилова Н. А. Проявления фатического начала в русском журналистском тексте: традиция и современность // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2013. Т. 9. № 2. С. 322–336.
7. Демин А. С. Древнерусские рукописные книжные предисловия XI–XII вв. (на пути к массовому адресату) // Тематика и стилистика предисловий и послесловий / под ред. А. С. Дёмина. М.: Наука, 1981. С. 12–26.
8. Некрасов И. С. Древне-русский литератор // Беседы в обществе любителей российской словесности при Императорском Московском университете. М.: Тип. Грачева и компании, 1867. Вып. 1. С. 39–50.
9. Епифанова Е. А. Структура житийных предисловий в древнерусской агиографической традиции (XII в. – до рубежа XIV–XV вв.) // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 16. С. 41–45.
10. Ельникова О. Е. Публицистичность литературы Киевской Руси: тексты, авторы, аудитория. Елец: Елецкий гос. ун-т им. И. А. Бунина, 2012. 152 с.
11. Тарланов З. К. О предмете и задачах исторической стилистики русского языка // Историческая стилистика русского языка / отв. ред. З. К. Тарланова. Петрозаводск: ПГУ, 1990. С. 4–15.
12. Коняевская Е. А. Авторское самосознание древнерусского книжника (XI – середина XV в.). М.: Яз. рус. культуры, 2000. 195 с.
13. Судаков Г. В. Эволюция устного речевого этикета в Московской Руси в XIV–XVII вв. // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 429. С. 51–57. DOI: 10.17223/15617793/429/6
14. Кожина М. Н. Стилистика историческая, или диахроническая // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожин. М.: Флинта; Наука, 2006. С. 416–420.
15. Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII–XX вв. Т. 1: Развитие научного стиля в аспекте функционирования языковых единиц различных уровней. Ч. 2. Синтаксис / под ред. М. Н. Кожин. Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 1996. 155 с.
16. Климкович О. А. Исследование памятников деловой письменности в аспекте сравнительно-сопоставительной исторической стилистики // Стылістыка: мова, маўленне і тэкст: зборнік навуковых прац IV Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі. (Мінск, 21–22 февраля 2017 г.) Мн.: Адукацыя і выхаванне, 2017. С. 85–92.
17. Винокур Г. О. О задачах истории языка // Звегинцев В. А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. М.: Учпедгиз, 1960. Ч. II. С. 243–262.
18. Колесов В. В. Общие понятия исторической стилистики // Историческая стилистика русского языка / отв. ред. З. К. Тарланова. Петрозаводск: ПГУ, 1990. С. 16–36.
19. Иванова М. В., Клушина Н. И. Публицистика в истории русского литературного языка: от древнерусской словесности к интернет-коммуникации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2018. Т. 16. № 1. С. 50–62. DOI: 10.22363/2313-2264-2018-16-1-50-62
20. Калиновская В. Н., Старовойтова О. А. Три века – три автора – три текста: динамика жанра и стиля // Язык как материал словесности: XXI науч. чтения: к 95-летию проф. А. И. Горшкова. (Москва, 20 октября 2018 г.) Казань: Бук, 2018. С. 78–89.
21. Малышев А. А. Толкование в научно-популярных текстах первой половины XVIII века (на примере журнала «Примечания к Санкт-Петербургским ведомостям»): дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2017. 288 с.
22. Пекарский П. П. Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 1: Введение в историю просвещения в России XVIII столетия. СПб.: Тип. Товарищества «Общественная польза», 1862. 578 с.
23. Тулупова К. В. Textoобразующие ресурсы публицистического дискурса. Статья 2. Три стратегии дискурсивности публицистического текста // Акценты. Новое в массовой коммуникации. 2008. № 7-8. С. 29–42.
24. Савина Е. А. О семантических параметрах русских контактоподдерживающих конструкций // Филология и культура. 2017. № 4. С. 79–83.

25. Горохов М. Ю. Автор публицистического текста как субъект высказывания: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2006. 22 с.
26. Токарева Э. И. Языковая ситуация Древней Руси и возможности появления публицистических произведений // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2009. № 2. С. 84–88.
27. Малышев А. А. Рассуждения о языке и стиле в «Примечаниях к Санкт-Петербургским ведомостям» (1728–1742) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2014. № 3. С. 62–65.
28. Ким М. Н. Технология создания журналистского произведения. СПб.: Михайлов, 2001. 320 с.
29. Prokofeva N. A. Phatic meanings of key words in popular science journalism // Нефилология. 2020. Т. 6. № 23. С. 591–598. DOI: 10.20310/2587-6953-2020-6-23-591-598
30. Садова Т. С., Руднев Д. В. Кристаллизация деловой речи в Петровскую эпоху // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 5. С. 43–47. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.350

original article

Phatic Speech Diachrony: Editor's Welcome Speech in Russian Popular Science Journalism of the First Half of the 18th Century

Alexander A. Malyshev

St. Petersburg State University, Russia, St. Petersburg, <https://orcid.org/0000-0002-8936-3056>; malyshev.alexander@mail.ru

Received 25 Mar 2021. Accepted 7 Jun 2021.

Abstract: Early journalistic texts are important for a productive study of modern media texts communicative potential. The editor – reader interaction patterns, in this case, must be considered diachronically. Modern popular science media texts show the genetic similarity with those of the early days of Russian periodicals. The research data and illustrative material have changed, but the composition, stylistics, manifestation of the author's personality, and the general intonation remain the same. The academic journal *The Notes of the St. Petersburg Vedomosti* (1728–1742) was the first Russian popular science periodical intended for readers who wanted to acquire knowledge about the world. The publishers of *The Notes* were well aware that interaction with the audience plays the most important role in articles of various information types. Since 1729 in the annual greetings to the reader (the modern "editor's welcome speech"), phatic speech served as a powerful means of establishing contact with the audience. The phatic potential of the editor's welcome speech provided the traditional combination of pleasure and usefulness, simplicity and accessibility of presentation. The main phatic features of the editor's welcome speech included: an easy-going manner of conversation with the reader, the effect of personality-oriented conversations (friendly "you"), expression of concern about the reader's interests in combination with information value and self-esteem, joking tone and intention to create a favorable communication atmosphere, formation of the friendly circle and association with the audience.

Keywords: historical stylistics, contact setting, dialogization, Notes of the St. Petersburg Vedomosti, journalism of the 18th century, editor, addressee factor

Citation: Malyshev A. A. Phatic Speech Diachrony: Editor's Welcome Speech in Russian Popular Science Journalism of the First Half of the 18th Century. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(2): 503–511. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-2-503-511>

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Funding: The research was supported by Russian Foundation for Basic Research, grant No. 18-312-00164 "Historical stylistics of Russian popular science periodicals of the first half of the XVIII century".

References

1. Kornilova N. A. *Phatic speech in mass media: compositional and stylistic forms*. Cand. Philol. Sci. Diss. St. Petersburg, 2013, 229. (In Russ.)
2. Sladkevich Zh. R. On the issue of distinguishing the concepts of dialogic, phatic, politeness, and speech etiquette. *Perspective directions of modern linguistics: Proc. Intern. Sci.-Theoret. Conf., Moscow, 15–16 Oct 2020*. Moscow: RUDN, 2020, 53–71. (In Russ.)
3. Senft G. Phatic communion. *Culture and language use*, eds. Senft G., Östman J.-O., Verschueren J. Amsterdam, 2009, 226–233. DOI: 10.1075/hop.1.pha1

4. Zuraikat M., Al-Shawashreh E., Al-Mashreqi S. Phatic Communion in Carroll's Alice's Adventures in Wonderland. *Abhath Al-Yarmouk Humanities and Social Sciences Series*. 2019, 28: 253–264.
5. Dement'ev V. V. Phatic speech genres. *Voprosy Jazykoznanija*, 1999, (1): 37–55. (In Russ.)
6. Kornilova N. A. Phatic speech component in Russian journalistic texts: tradition and modernity. *Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies*, 2013, 9(2): 322–336. (In Russ.)
7. Demin A. S. Old Russian handwritten book prefaces of XI–XII centuries (on the way to the mass reader). *Topics and stylistics of prefaces and afterwords*, ed. Demin A. S. Moscow: Nauka, 1981, 12–26. (In Russ.)
8. Nekrasov I. S. Old-Russian writer. *Conversations in the Society of Russian literature lovers at the Imperial Moscow University*. Moscow: Tip. Gracheva i kompanii, 1867, vol. 1, 39–56. (In Russ.)
9. Epifanova E. A. Structure of the introductions in Old Russian hagiographical tradition (XII–XIV CC.). *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2014, (16): 41–45. (In Russ.)
10. Yelnikova O. E. Publicism of the Kievan Rus literature: texts, authors, and audience. *Yelets: Elets'kii gos. un-t im. I. A. Bunina*, 2012, 152. (In Russ.)
11. Tarlanov Z. K. On the subject and tasks of the Russian language historical stylistics. *Historical stylistics of the Russian language*, ed. Tarlanov Z. K. Petrozavodsk: PGU, 1990, 4–15. (In Russ.)
12. Konyavskaya E. L. *Author's self-consciousness of the Old Russian scribe (XI – mid XV century)*. Moscow: Iaz. rus. kultury, 2000, 195. (In Russ.)
13. Sudakov G. V. The evolution of oral speech etiquette in Russia in the 14th–17th centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2018, (429): 51–57. (In Russ.) DOI: 10.17223/15617793/429/6
14. Kozhina M. N. Historical, or diachronic stylistics. *Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language*, ed. Kozhina M. N. Moscow: Flinta; Nauka, 2006, 416–420. (In Russ.)
15. *Essays on the scientific style of the Russian literary language history in the XVIII–XX centuries. Vol. 1: Development of a scientific style in the aspect of the functioning of linguistic units at various levels. Pt. 2. Syntax*, ed. Kozhina M. N. Perm: Izd-vo Permskogo un-ta, 1996, 155. (In Russ.)
16. Klimkovich O. A. Research of business manuscripts in the aspect of comparative historical stylistics. *Stylistics: language, speech, and text: Proc. IV Intern. Sci.-Prac. Conf., Minsk, 21–22 Feb 2017*. Minsk: Adukatsiya i vykhavanne, 2017, 85–92. (In Russ.)
17. Vinokur G. O. On the problems of language history. *Zvegintsev V. A. History of linguistics of the XIX and XX centuries in essays and extracts*. Moscow: Uchpedgiz, 1960, pt. II, 243–262. (In Russ.)
18. Kolesov V. V. General concepts of historical stylistics. *Historical stylistics of the Russian language*, ed. Tarlanov Z. K. Petrozavodsk: PGU, 1990, 16–36. (In Russ.)
19. Ivanova M. V., Klushina N. I. Publicism in the course of the Russian literature language: from Old Russian literature to internet communications. *RUDN Journal of Russian and Foreign Languages Research and Teaching*, 2018, 16(1): 50–62. (In Russ.) DOI: 10.22363/2313-2264-2018-16-1-50-62
20. Kalinovskaya V. N., Starovoitova O. A. Three centuries – three authors – three texts: dynamics of genre and style. *Language as a material of literature: XXI Sci. readings: to the 95th anniversary of Prof. Gorshkov A. I.*, Moscow, 20 Oct 2018. Kazan: Buk, 2018, 78–89. (In Russ.)
21. Malyshev A. A. *Interpretation in popular science texts of the first half of the XVIII century (on the example of the magazine "Notes to the St. Petersburg Vedomosti")*. Cand. Philol. Sci. Diss. St. Petersburg, 2017, 288. (In Russ.)
22. Pekarskii P. P. *Science and literature in Russia under Peter the Great. Vol. 1: Introduction to the history of education in Russia in the XVIII century*. St. Petersburg: Tip. Tovarishchestva "Obshchestvennaia polza", 1862, 578. (In Russ.)
23. Tulupova K. V. Text forming resources of publicistic discourse. Article 2. Three strategies of publicistic text discursivity. *Aktsenty. Novoe v massovoi kommunikatsii*, 2008, (7-8): 29–42. (In Russ.)
24. Savina E. A. Semantic parameters of Russian phatic support constructions. *Philology and Culture*, 2017, (4): 79–83. (In Russ.)
25. Gorokhov M. Yu. *Author of a journalistic text as a speech subject*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Voronezh, 2006, 22. (In Russ.)
26. Tokareva E. I. Language situation in Ancient Russia and opportunities of appearance of publicistic writings. *Bulletin of the Adyge State University. Ser. Philology and the Arts*, 2009, (2): 84–88. (In Russ.)
27. Malyshev A. A. Reasoning on language and style in "Notes to Saint Petersburg Sheets" (1728–1742). *Proceedings of Petrozavodsk State University*, 2014, (3): 62–65. (In Russ.)
28. Kim M. N. *Technology of a journalistic work's creating*. St. Petersburg: Mikhailov, 2001, 320. (In Russ.)
29. Prokofeva N. A. Phatic meanings of key words in popular science journalism. *Neophilology*, 2020, 6(23): 591–598. DOI: 10.20310/2587-6953-2020-6-23-591-598
30. Sadova T. S., Rudnev D. V. Crystallization of formal speech in the Petrine era. *Proceedings of Petrozavodsk State University*, 2019, (5): 43–47. (In Russ.) DOI: 10.15393/uchz.art.2019.350